

СУДЬБА НИНЫ ОНИЛОВОЙ

Худенькая невысокая девушка в легком платьице, покрасневшая и взволнованная, переступила порог военкомата.

— Ну вот, еще одна пришла, — ворчливо сказал военком. — Девушки хорошие, войдите в мое положение: мне не нужны медсестры. Бойцы, пулеметчики, командиры, артиллеристы, саперы — вот кто нужен.

Военкому было жарко. Он отстегнул крючки гимнастерки, вытер мокрую шею платком, вздохнул. Еще раз посмотрел на девушек. Их было несколько; они не хотели уходить и стояли молчаливые, с влажными от обиды глазами. Военком пожалел их. Но война есть война. Если всем им уступать, то скоро в армии медсестер будет больше, чем бойцов и командиров!

А эту, худенькую, переступившую порог, он узнал сразу. Фанговщица одесской трикотажной фабрики. Военорг комсомола. Тихая, но упорная, как чорт. Так вот и будет стоять у окна целый день и молчать. Военком еще раз вздохнул.

— Вот если бы кто из вас был пулеметчиком!..

Он хотел сказать еще что-то такое, как ему казалось, удивительно ловкое, чтобы выпроводить, наконец, девушек и заняться работой. Но фанговщица Нина Онилова вдруг подошла к нему, вплотную:

— Так я же пулеметчица. Всю программу прошла. Вот и значки, справка...

Опешивший военком махнул рукой и, обращаясь к остальным девушкам, строго сказал:

— Ну, а вы, товарищи, возвращайтесь на производство. Это тоже фронтное дело.

Нина Онилова добилась своего. Страстная мечта стала явью. Вот так и приходят счастье, радость. Образ чапаевской Анки-пулеметчицы, образ, с которым она сроднилась по книгам, по кино, казался ей недосягаемым. И чем больше лелеяла она тайную мечту об Анке, тем лучезарней и недосягаемей казалась эта судьба бесстрашной русской женщины.

«Неужели теперь это со мной? Неужели я, как Анка?!»

Нина вышла и несколько мгновений постояла на тротуаре. Она слышала удары собственного сердца. Августовский полдень в Одессе зноен. Дома, улицы плывут в душном мареве.

Словно очнувшись, Нина заторопилась, побежала, и ветер движения обвеял ее лицо.

Она ушла на фронт в тот же день. На фабрике наскоро простилась с друзьями. У Нины Ониловой не было родной семьи — круглая сирота, но друзей было много. Ее любили в комсомольской организации, любили на фабрике.

— Ты, Нинка, помни, не подкачай там. Тебя одну только и взяли, — провожали подруги-комсомолки.

— А их, гадов, бей, пощады не давай, дочка, — сказала старая работница. Она поцеловала Нину в губы, по-стариковски перекрестила ее.

...Люди на фронте быстро привыкают к грохоту, лязгу стали, каскадам огня, дыма, земли. Привыкла и Нина Онилова. Не вздрагивают больше плечи от внезапного артиллерийского залпа. Не ищут глаза, куда упал снаряд, где разорвалась хрякающая, визжащая мина.

И сама Онилова, девушка-пулеметчица, сноровистая, меткая, аккуратная, смелая, пришлась по душе бойцам и командирам. Ее сразу прозвали «нашей Анкой». Так судьба ее стала подобна судьбе той, о которой она мечтала, — чапаевской Анки. Весть о том, что в таком-то батальоне есть Анка-пулеметчица, вскоре облетела всю армию. Многие хотели видеть ее. Спрашивали и Нину: «Где у вас тут Анка чапаевская?» Нина смеялась и показывала рукой куда-то в неопределенную сторону, иногда задорно отвечала песней: «Кто ищет, тот всегда найдет!»

Но и тем, кто раньше знал Онилову, сейчас было бы нелегко узнать ее. Юноша в гимнастерке, в шароварах, сапогах, с коротко, по-мальчишески остриженными волосами не был похож на девушку Нину. Только голсс выдавал ее да вечная улыбка, обнажавшая маленькие белые зубы.

...Была ночь, косые струи дождя хлестали землю. Она делалась липкой, тягучей. Нина набросила плащ-палатку на себя и своего «максимчика». Она припала к нему, устремив взгляд вперед, в темную, непроглядную ночь. Далеко позади раскинулась родная красавица Одесса. Враг, жестокий, хищный, рвется к ней. Варварски бомбят ее немецкие, румынские, итальянские летчики. Подло, по-бандитски швыряет снаряд за снарядом на прекрасные улицы города фашистская артиллерия. И, оглядываясь, Нина видит всплески пламени, длинные языки огня, вскидывающиеся к небу. Нина до боли стискивает зубы, ее маленькие ладони крепче сжимают ручки пулемета. Там, впереди, за этой темной мутью, притаился враг.

— Ой, не будет тебе пощады, фашистская сволочь! Клянусь, не будет! — цедит сквозь зубы пулеметчица.

И вдруг тишину на этом участке фронта, вот на этом маленьком кусочке земли, где лежит Онилова со своим пулеметом, нарушают

Медицинские сестры подразделения морской пехоты Северного флота комсомолки Мария Олейникова и Дуся Бросалина. Десятки раненых советских воинов с их оружием вынесли они из-под огня врага.

Много атак фашистских стервятников отбила зенитная батарея лейтенанта Ю. Леоненко. Умелый и отважный комсомолец-моряк награжден орденом Красного Знамени.

тяжелые немецкие минометы. Значит, скоро оттуда пойдут в атаку... И Онилова чувствует, как все напрягается в ней, и частыми-частыми делаются удары сердца. Не фанговщица одесской трикотажной фабрики «Друзья детей», но боец Красной Армии, готовый к смертельному бою с ненавистным, заклятым врагом, лежит здесь, сжавшись в комок, припав к пулемету.

Огонь минометов перекачивается дальше, в глубь расположения наших войск. Сейчас, сейчас начнется атака. Сейчас пойдут они.

Впереди застрекотали автоматы. Уже слышны крики — чужие, незнакомые.

— Ну, давай начинай! — нетерпеливо кричит Ониловой один из бойцов пулеметного расчета.

Но она не отвечает бойцу и не стреляет. Чужие голоса все ближе. Кто-то оттуда, из темноты, выкрикивает пьяным голосом грубое ругательство на ломаном русском языке. Очереди автоматов стучат громко, точно стреляют над ухом. А пулеметчица все еще молчит. И только когда глаз выхватил из темноты контуры силуэтов идущих в атаку врагов, внезапным сильным огнем начала свой первый настоящий бой комсомолка Нина Онилова. Очередь за очередью — то длинная, то короткая. Огненные струи яростно хлещут в вопящих, падающих и все еще бегущих вперед врагов. Бойцы расчета с трудом поспевают за пулеметчицей.

Утихают автоматы, не слышно больше чужих голосов. Только «максимчик» все так же гневно, яростно вышивает на черном бархате ночи узорную огненную строчку...

Утром Нина увидела свою работу: десятка три солдат и офицеров валялись в ложине.

Этот ночной бой был строгим экзаменом для юной пулеметчицы. Она с честью выдержала боевое испытание. Многие в батальоне, по совести говоря, до этого ночного боя не верили, хоть и называли ее «Анкой-пулеметчицей», что эта худенькая, маленькая двадцатилетняя девушка может быть стойким, суровым воином. А теперь подлинная боевая слава осенила своим крылом юную пулеметчицу. Она обрела доверие бойцов и командиров — самый драгоценный подарок фронтовиков. Теперь об «Анке-пулеметчице» говорили с гордостью, с большим уважением.

Случилось так, что батальон, в рядах которого сражалась Нина, включили в состав легендарной Чапаевской дивизии. «Анка-пулеметчица» была узаконена. Молодая фанговщица вошла в прославленную чапаевскую боевую семью.

Дни и ночи продолжались тяжелые, упорные бои. Огромные полчища врагов наседали на части Красной Армии. Сжималось вражеское кольцо вокруг Одессы. Но сломить упорство советских бойцов и командиров, защищавших Одессу, фашистские бандиты не могли. Чудеса доблести, героизма, подвиги великого мужества вписали защитники Одессы в историю великой отечественной войны. Новой бессмертной славой покрыла себя Чапаевская дивизия. И среди чапаевцев

Патрули черноморцев на улицах Севастополя.

с беззаветной храбростью сражалась новая «Анка-пулеметчица» — комсомолка Нина Онилова.

Однажды, когда сама земля, казалось, дрожала, гудела от артиллерийской и минометной стрельбы и воздух был горьким от порохового дыма, боец Забродин, лежавший рядом, прильнул к уху Нины:

— Спой хорошую песню. Веселей будет.

И Нина запела мягко, по-женски:

Письмо в Москву, в любимую столицу,
Я другу сердца нежно написал...

Может быть, один Забродин, лежавший рядом, слышал ее. Она вдруг забыла слова песни, но не хотела оборвать ее и с каким-то нахлынувшим на нее вдохновением стала к старым словам прибавлять новые:

Хранить страну, семью свою родную
Я кровью сердца милой обещал...

А мины ложились все ближе и лопались, противно хрякая. Неподалеку был ранен лейтенант. Нина быстро оттащила его за куст и перевязала. Но лейтенант умирал. Он взял ее руку и пожал. Потом отстегнул кобуру, передал ей пистолет.

— Храни, Анка, не забывай, — чуть слышно прошептал он.

Нина погладила его по голове и, склонившись к нему, поцеловала в губы. Ползком она вернулась к своему пулемету. В это время со стороны лесного насаждения показалась фашистская цепь. Сперва они шли в рост. Видно было, что они пьяны.

— Анка, стегни их, — сказал кто-то из бойцов.

И Анка «стегнула». И опять, как в ту памятную ночь, «максимчик» без усталости метко хлестал убийственным огнем. Вражеская атака захлебнулась. Пулеметчица облегченно вздохнула. Она услышала воющий звук мины, подняла голову. Что-то тяжело ударило рядом. Нину засыпало. Она быстро стряхнула с себя землю и хотела подняться. Но встать она почему-то не смогла, и сама улыбнулась своей слабости. Забродин крикнул:

— Анка, жива?

— Вполне, — сказала она. Но кровь бежала по ее лицу. Один осколок попал в голову, другой — в ухо.

Ее отправили в госпиталь. Потом вывезли из осажденной Одессы. Любивно лечили. Она поправилась.

Повсюду она искала свою дивизию, свой полк. Это было трудно. Но характер, упорство, бесстрашие Ониловой привели ее на правильный путь, тот путь, на который звала ее судьба Анки-пулеметчицы.

...Холодный ветер обдувает ее лицо. Она лежит на холме, на подступах к Севастополю. Маленькие, но крепкие руки попрежнему поглаживают «максимчика». Чапаевцы других полков и батальонов приходят к ней «на побывку» — посидеть полчасика, послушать хорошую песню, оценить ухом знатока ровный ход пулеметной очереди, быстрым взглядом посмотреть вперед, на скаты холма: там результат ее работы — десятки новых трупов румын, немцев.

Она всегда была на линии огня, ее руки заботливо перевязывали раненых, на своих плечах она уносила их с передовых позиций. Не один десяток раненых защитников Севастополя вынесла комсомолка М. С. Антипова с поля боя.

На этих холмах, на славных севастопольских холмах Онилова — не единственная девушка. Многие советские патриотки встали в эти грозные месяцы в ряды защитников города. Наталья Величко, которая на военной машине доставляет на передовые линии боеприпасы и продовольствие. Любовь Харитонская и Анна Дрябкина, вынесшие из огня десятки раненых. Анна Новикова, электросварщица, ремонтирующая орудия на передовых позициях. Студентка Галина Маленко, надевшая бушлат краснофлотца, — «наша Галочка», как называют ее бойцы. Комсомолка Анастасия Чаус, потерявшая руку во время налета вражеской авиации и вернувшаяся из госпиталя на завод, чтобы там, работая одной рукой на старом своем станке, выполнять по три нормы...

И были среди этих героических защитниц Севастополя потомки тех, кто уже отстаивал со славой свой родной город от подступившего врага 87 лет назад. Такова Евгения Гора, внучка знаменитого матроса Макарова, героя Крымской войны.

Вот Нина Онилова уже сержант, командир пулеметного расчета. На ее боевом счету более пятисот сраженных солдат и офицеров. Молодые пулеметчики ходили к ней подучиться. «Анку-пулеметчицу» вызвали в Военный совет, ее наградили боевым орденом Красного Знамени. Принимая награду, сержант Красной Армии комсомолка Нина Онилова кратко, убедительно заявила:

— Я не умею говорить речи, но с фашистскими собаками я умею хорошо разговаривать языком моего пулемета.

В распахнутой шинели, во флотской тельняшке с синими переливами стоит перед нами прославленная пулеметчица одесской и севастопольской обороны — двух городов-героев. Она стоит перед нами веселая, задорная. Ее окружают боевые товарищи. Она запекает на мотив «Раскинулось море широко» новую боевую песню:

Солдатские песни Суворов любил.
Бойцы помнят песни Чапая.
Споем же, друзья!
Пусть в боях прозвенит
Победная песня родная!

И могуче гремел над севастопольскими холмами подхваченный всеми припев:

Споем же, друзья!
Пусть в боях прозвенит
Победная песня родная!

— За родину! За Сталина!

Так ходили в атаку, так стремительными ударами отбрасывали и выбивали врага с его позиций моряки-черноморцы в месяцы беспримерной по героизму обороны Севастополя.